

УДК 94
ББК 63.3(2)
Д73

*Издание осуществлено на средства
Германского исторического института в Москве*

Проект поддержан Фондом Герды Хенкель AZ 38/F/16

Нарративы руси конца XV - середины XVIII вв.: в поисках своей истории / отв. сост. А. В. Доронин; отв. ред. серии А. В. Доронин. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 430 с. : ил. – (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

ISBN 978-5-8243-

Сборник подготовлен по итогам международной научной конференции, состоявшейся в ноябре 2016 г. во Львове в рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV – середине XVIII вв. в контексте зарождения современных наций в Европе». Ее участники имели целью критически проанализировать исторические нарративы руси конца XV – середины XVIII вв. на предмет свидетельств о зарождении в раннее Новое время на общеевропейской шкале истории новых надрегиональных этнокультурных общностей руси.

Этот сборник продолжает серию публикаций Германского исторического института в Москве «Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени».

Книга адресована специалистам по восточно- и общеевропейской истории раннего Нового времени, а также всем интересующимся проблемами современного нациогенеза.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-

© А. В. Доронин, составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Германский исторический институт
в Москве, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

КРЕЩЕНИЕ РУСИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVI–XVII ВВ.

Современные историки уже не раз ставили вопрос о значении истории средневековой Руси в общественной мысли восточных славян XVI–XVII вв. Ответы на этот вопрос разнятся. Одни авторы, так или иначе, поддерживают традиционный для русскоязычной историографии тезис, что разные части «рассыпавшейся» руси обращались к общему прошлому в стремлении к «воссоединению»¹. Другие утверждают, что эти части обрели самостоятельность и вступили в «конкурентную борьбу» за «киевское наследство»². Третьи сомневаются, что «наследники» руси в Москве и за ее пределами вообще интересовались древнерусским прошлым³. Одни считают, что в Московском государстве историческое сознание вращалось вокруг «идеи династическо-религиозной», а концепции «национального» лишь в конце XVII в. стали проникать с Запада, в т. ч. из Украины, где они были уже хорошо известны⁴. Другие пишут, что «этнонациональная идентичность» с соответствующей интерпретацией древнерусской истории заро-

---

¹ *Флоря Б. Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 151–238, особенно см. с. 152–171, 196–206, 222–225.

² *Pelenski J.* The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. Boulder, 1998.

³ *Keenan E. L.* On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / ed. S. Frederick Starr. Armonk, New York, 1994. P. 19–40.

⁴ *Бушкович П.* Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio.* 2003. № 3. С. 112.

дилась в Москве еще в XVI в., притом гораздо раньше, чем у «польско-литовской руси»⁵.

Но в этих спорах редко вспоминают о событии древнерусской истории, которое, как можно предположить, должно было одним из первых вызывать интерес в XVI–XVII вв., – о принятии христианства на Руси. Из чтения некоторых современных работ складывается даже впечатление, что такого интереса не было⁶. На самом деле, он, конечно, был, и это событие вызывало разные трактовки в разных исторических сочинениях этой эпохи. Как будет показано в настоящей статье, расхождения в интерпретации Крещения руси (далее – Крещение) были обусловлены теми «парадигмами» или «мифами», с помощью которых или исходя из которых те или иные авторы осмыслили и «инструментализировали» прошлое. В этом плане эти трактовки и расхождения так же показательны, как и интерпретации, предложенные в XVI–XVII вв., другого «архетипического» сюжета – «призвания варягов»⁷.

Рассказ о Крещении, на который опирались исторические сочинения, созданные в России и Украине в XVI–XVII вв., содержится в Повести временных лет (ПВЛ), в статьях 6494–6496 (986–988) г.⁸ Он состоит из нескольких частей, размещенных в этих трех годовых статьях.

Начало рассказа в статье 6494 (986) г. составляют: 1) сообщение о прозелитических посольствах магометан, католиков, иудеев и православных к киевскому князю Владимиру Святославичу; 2) пространное поучение православного греческого миссионера (Речь Философа). Под 6495 (987) г. повествование продолжает 3) сообщение о совещании Владимира со своим окружением и его посольствах к волжским болгарам (мусульманам), «немцам» (католикам) и грекам (православным). Под 6496 (988) г. следуют 4) рассказ о по-

---

⁵ См., напр.: *Plokhly S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, New York etc., 2006. P. 156: "The formation of a distinct ethnonational identity took place much sooner in Muscovite Rus' than in Polish-Lithuanian Rus'".*

⁶ Напр., в указанной выше работе Сергей Плохий (*Plokhly S. The Origins of the Slavic Nations*) много пишет о восприятии древнерусского прошлого в XVI–XVII вв., в частности о «монгольском иге», истории династии Рюриковичей, образе Владимира Святого и др., но не о Крещении руси.

⁷ См.: *Стефанович П. С. Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв.: от средневековых мифов к раннемодерным // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М., 2017. С. 326–344.*

⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Л., 1926. Стб. 84–121; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 71–106.

ходе на Корсунь (Херсонес), крещении Владимира и браке его с царевной Анной, 5) поучение для новокрещеного князя, включающее Символ веры, 6) описание крещения киевлян и всей руси, похвала Владимиру и «русским сынам» – «новым людям христианским». Заключают статью 6496 г. известия, не имеющие прямого отношения к Крещению: о назначении Владимиром своих сыновей наместниками в разные города Руси и об укреплении южных рубежей Киевской земли. Сообщение, содержащееся в следующей статье 6497 (989) г. о строительстве Десятинной церкви в Киеве, в позднейшем летописании нередко присоединяли к рассказу о Крещении (с пропуском или перестановкой известий о сыновьях Владимира и защите Киевской земли).

Исследователи XVIII – начала XXI в. выяснили, что этот рассказ ПВЛ, созданной, как известно, в Киеве в начале XII в., имеет запутанное происхождение и сложную внутреннюю структуру. В предшествующем летописании XI в. он был изложен, вероятно, в ином виде (или видах)⁹. Однако книжники XVI–XVII вв. воспринимали этот рассказ как цельное повествование и не задавались вопросом о его истории. Они могли опираться, с одной стороны, на редакции рассказа, представленные в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях (и в летописях, им родственных), которые не имели существенных расхождений в статьях 986–988 гг. С другой стороны, в их распоряжении была московская летописная традиция, в которой в середине XV в. «каноническая» версия ПВЛ была дополнена несколькими существенными известиями: рассказом новгородского летописания о введении христианства в Новгороде (к которому примыкало краткое указание, что в Киев прибыл первый митрополит Леон) – и сообщением об основании князем Владимиром города в свою честь в Ростово-Суздальской земле. Рассказ о введении христианства в Новгороде восходит к древнему летописанию XI–XII вв.¹⁰, а известия о первом митрополите и строительстве города Владимира добавлены московскими книжниками на основании вне- или околотописных преданий (без сомнения, недостоверных)¹¹. Они ввели и еще неко-

⁹ См., прежде всего: *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 305–179 (1-е изд.: 1908); *Гиппиус А. А.* Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2008. № 3. С. 20–23.

¹⁰ См.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 159–160.

¹¹ О легенде об основании города Владимира, нашедшей свое отражение уже во Владимирском своде 1177 г. и древнейшей редакции Жития

торые незначительные детали, например: указание имени греческого проповедника, которому приписывают Речь Философа (Кирилл), или сообщение о строительстве князем Владимиром Георгиевской церкви в Киеве – под 6497 г.¹² Но в целом московские книжники XV в. концептуально не изменили древний летописный рассказ о принятии христианства.

В рассказе ПВЛ надо видеть сложное переплетение свидетельств о событиях, действительно имевших место¹³, с мифами и суждениями интеллектуалов XI – начала XII в., которые осмыслили и легитимировали Крещение *ex post*, а также со сказаниями фольклорного характера, попавшими в летопись из устного предания¹⁴. Его идейная направленность сводится к обоснованию истинности христианской веры по «восточно-византийскому» образцу, но в то же время оправданию политики правящих кругов Руси, не зависимой по отношению к грекам и нацеленной на приобщение Руси к сообществу наиболее авторитетных европейских государств. На переднем плане обретение веры князем Владимиром, его брак с Анной, прославление Владимира. Наконец, крещение киевлян, как элиты, так и простого люда, здесь понимается как принятие христианства всей русью, а «новой христианской» руси пророчески приписывается особая миссия в мировой истории (части 6 и 7 рассказа)¹⁵. Примечательным образом древний летописный рассказ умалчивает об учреждении

Леонтия Ростовского, см., напр.: *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризостом (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // *Византийский Временник*. Т. XXI. М., 1962. С. 32.

¹² См., напр., в *Московском летописном своде конца XV в.*: ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 359–366.

¹³ Лучшие обзоры данных источников и гипотез ученых о действительных исторических событиях см.: *Vodoff V.* Naissance de la chrétienté russe : la conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe–XIIIe siècles). Paris, 1988. P. 62–107; *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 1997 (= ЖЗЛ). С. 142–279.

¹⁴ См.: *Poppe A.* How the Conversion of Rus' Was Understood in the Eleventh Century // *Poppe A.* Christian Russia in the Making. Aldershot, Burlington, 2007; *id.* Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // *Poppe A.* Christian Russia in the Making; *Vodoff V.* Autour du mythe de la Sainte Russie: Christianisme, pouvoir et société chez les slaves orientaux (Xe–XVIIe siècles). Paris, 2003.

¹⁵ Эта миссия возлагается на общность руси именно как на народ, поэтому некоторые историки пишут о летописном рассказе о Крещении как о «национальном мифе», напр.: *Franklin S.* Borrowed Time: Perceptions of the Past in Twelfth-Century Rus' // *The Perceptions of the Past in Twelfth-Century Europe* / ed. by Paul Magdalino. London, 1992. P. 157–158.

митрополии на Руси при кн. Владимире¹⁶. Не случайно московские летописцы XV в. попытались заполнить эту странную лауну.

Если следовать хронологии развития древнерусского летописания и оставить в стороне указанные выше дополнения московских книжников XV в. (как не меняющие концепцию всего рассказа о Крещении), первую существенную переработку рассказа ПВЛ о Крещении надо видеть в Никоновской летописи, в первоначальной редакции, составленной в 1520-е гг. при митрополичьей кафедре в Москве. Здесь древнее повествование дополнено целым рядом сведений, преимущественно в заключительной части, так что весь рассказ о Крещении продлен до 6501 г., где говорится об утверждении Церковного устава и строительстве соборных церквей по епархиям Киевской митрополии¹⁷. Кроме дополнений здесь есть и некоторые сокращения, и корректуры фактического характера, но они относительно незначительны по объему и содержанию.

В переработке, представленной в Никоновской летописи, ясно видна определенная идейная тенденциозность. Более того, если в других местах повествования внесенные изменения часто носят скорее композиционно-литературный характер («риторическое расширение» с «моралью», психологические объяснения действий исторических героев и т. п.¹⁸), в части, посвященной Крещению, преобладает стремление представить именно новую концепцию этого события (хотя специфическая «литературщина», свойственная этой летописи, присутствует и здесь). Очевидно, люди, причастные к работе над этим историческим сводом, специально хотели подчеркнуть особое эпохальное значение Крещения в истории Руси. Направления, по которым менялось содержание рассказа в Никоновской летописи, были следующие.

Во-первых, важнейшее значение в этой части повествования приобрели сообщения об установлении митрополии в Киеве и дея-

---

¹⁶ В историографии горячо обсуждался вопрос, вообще, была ли Русская митрополия создана при Владимире. Сегодня в этом сомневаться уже не приходится, хотя точная датировка этого события все еще является предметом дискуссии, см.: *Назаренко А. В.* О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. М.; Вологда, 2017. С. 130–175.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 42–65.

¹⁸ См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 349–354.

тельности первых двух митрополитов на Руси – Михаила и Леонтия. Краткое известие о назначении первого митрополита (Леона), которое появилось в московских сводах XV в., выросло в Никоновской летописи в отдельную насыщенную сюжетную линию. Она не только дает нам новую информацию (например, о том, кто был первым митрополитом на Руси; о втором митрополите и епархиальных архиереях и др.¹⁹), но явно подчеркивает ведущую роль представителей Церкви в Крещении. Притом особо указано на внимание тогдашнего Константинопольского патриарха Фотия²⁰ к обращению руси в христианство и участию митрополита Михаила в Крещении. Сначала князь Владимир крестит население Киева «со отцем своим митрополитом» и по его указанию распоряжается обучать детей грамоте и богослужению. Затем митрополит уже сам крестит Новгород, а Добрыня (выступавший в древнем рассказе единственным представителем власти в Новгороде) лишь помогает ему. С миссией крещения митрополит идет далее «по Русской земле и до Ростова»²¹. После смерти Михаила (6500 г.) его наследнику, митрополиту Леонтию, приписывается основание кафедр в городах Руси.

В статье 6501 г. изначальное сообщение ПВЛ о строительстве Десятинной церкви становится более пространным и приобретает концептуальный характер: речь идет вообще о статусе Церкви в государстве. Строительство церквей и дарование десятины понимается как утверждение общего принципа, по которому светская власть обязана материально поддерживать Церковь. Сообщается о принятии князем и митрополитом Церковного устава «по прежним греческим номоканонам», который должен был регулировать церковные суд и организацию²². Известие, которое в ПВЛ было отделено от рассказа о Крещении, в Никоновской летописи становится в этом рассказе итоговым. Главный его посыл: хранителем и «гарантом» новой религии стала Церковь. Разумеется, свою деятельность она осуществляет при поддержке и в согласии с правителем, и этот подтекст отсылает нас к важнейшей для русской общественной

---

¹⁹ Нет нужды подробно говорить, что все эти сведения легендарны и недостоверны, даже если некоторые из них не выдуманы «на пустом месте», а взяты из других источников (например, имя первого митрополита Михаила фигурировало в некоторых списках Церковного устава князя Владимира).

²⁰ На самом деле он жил в IX в.

²¹ Ростов отмечен и здесь, и далее, где говорится об основании в нем кафедры, конечно, не случайно (см.: ПСРЛ. Т. 9. С. 64–65). Авторы Никоновской летописи старались удревить историю Ростово-Суздальской земли. Разумеется, в ней (вслед московским сводам XV в.) говорится и о строительстве города Владимира.

²² ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

мысли XVI в. идее «симфонии властей» – союза светской и духовной властей²³.

Во-вторых, совершенно новые дополнения, которые Никоновская летопись вносит в рассказ о Крещении, касаются миссионерской деятельности князя Владимира и митрополита Михаила в отношении язычников (печенегов) и мусульман (волжских булгар). Согласно летописи, уже на следующий год после крещения киевлян Владимир посылает некоего «философа» Марка Македонянина к «болгарам», тут же отождествленным с «тотарами». Хотя четыре князя из «болгар»-«тотар» пришли в Киев и, приняв крещение, стали служить Владимиру, прочие «безумием своим обьяуродеша» и христианства не приняли. Под 6499 г. сообщается о крещении и переходе на службу в Киев печенежского князя Кучуга²⁴. Религиозно-полемический смысл всех этих сообщений совершенно очевиден, и вполне естественно, что наряду с ними в летопись включено «Сказание о хулней вере сарацинской» – антиисламское сочинение с рекомендациями, как православным следует вести полемику с мусульманами²⁵.

В-третьих, в Никоновской летописи расширена церковно-учительная часть рассказа ПВЛ, а связанные с Крещением события как бы ритуализируются, их описание ориентировано на некоторые «архетипические» образы и символы. Например, более важное место в ней занимает наставление, которое Владимир получил после своего крещения в Херсонесе. В ПВЛ оно анонимно, а в Никоновской приписано «епископу корсунскому» и расширено в учительной части. При этом Владимир выставлен в роли «благодарного ученика»: он и дарами епископа почтил, и «вся подобающая православию крепко обещася соблюдати»²⁶. В конце этого же эпизода рассказ ПВЛ дополнен сообщением: после крещения и женитьбы на византийской царевне Владимир «сотвори» в Херсонесе пир и трапезу для нищих и убогих. Вряд ли в связи с этим сообщением следует думать о былинной традиции или, тем более, искать отражение в нем каких-то

²³ Ср.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 96–97.

²⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 58–64.

²⁵ Сказание было составлено, видимо, в конце XV – начале XVI вв. Оно помещено в Русский Хронограф, а также известно в отдельных списках, ср.: Белова О. В., Петрухин В. Я. К истории апокрифических сюжетов в межконфессиональном пространстве: «Сказание о хулнй в р срациньст й» // *Genius Loci: Сб. ст. в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова* / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова. М., 2016. С. 90–98.

²⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 56.

реальных событий²⁷. Стоит просто вспомнить евангельский рассказ о чуде на свадьбе в Кане Галилейской.

Последующее крещение сыновей Владимира и киевлян подано в таком же «ритуализированном» ключе, причем внимание заострено на фигурах князя и митрополита, а все «лишнее» проигнорировано. Любопытно, что «лишними» оказались не только эпизод с «выдворением» идола Перуна из Киева (можно допустить, что ему было не место в том священном пространстве, которое описывали авторы Никоновской: тема борьбы с языческими кумирами прошлого их не занимала), но и заключительные пассажи рассказа в ПВЛ о «сынах русских» – «новых людях христианских», обильно цитировавшие пророческие книги. Пророческо-эсхатологический настрой рассказа ПВЛ был то ли не понят, то ли не принят книжниками начала XVI в. Идея особого призвания «новой руси» уступила место общим рассуждениям о неисповедимости путей Господних и статично-иконографической картине крещения народа «сугубой двоицей» – князем и митрополитом.

Наконец, в-четвертых, легко заметить в Никоновской летописи стремление возвеличить фигуру и образ Владимира как благочестивого христианина и государственного деятеля. Благочестие особенно подчеркнуто в сообщениях о его собственном крещении в Херсонесе и крещении киевлян. Заклячая первое из этих двух сообщений, автор летописи специально перечисляет добродетели князя: «и прия греческий закон и научение в вере в Корсуне, и многа благая дела показа: правду, долготрпение, любовь, смирение, человеколюбие, милость, и бе по Господе Бозе и божественей вере горя духом, яко огонь, и неверующим в Господа Исуса Христа страшен бе премного»²⁸.

Вероятно, идеализацией князя надо объяснять сокращения в известии о посольстве из Волжской Болгарии во время «выбора веры». Сказано только, что приходили некие «срацини» (хотя ниже упоминается, что Владимир отправил послов именно к болгарам) и что их веры Владимир «не възлюбил», а памятные слова ПВЛ о женолюбии Владимира и «веселии руси пити» опущены. Они не соответствовали тому иконографическому образу святого князя, который создавали московские книжники.

В целом переработку рассказа ПВЛ, предпринятую в Никоновской летописи, надо объяснять вопросами и запросами того вре-

---

²⁷ Ср. в комментарии Д. С. Лихачева: Повесть временных лет / подг. текста, пер., статьи и комментарии Д. С. Лихачева; под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подг. М. Б. Свердлова. СПб., 1996. С. 459–460.

²⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 54.

мени и той социальной среды, в которых ее создавали. Акцент на роли церкви и духовенства, особенно в условиях тогдашней острой религиозной полемики, соответствовал интересам Московской митрополии, при кафедре которой и составлена Никоновская летопись. В русле официальной московской идеологии первой половины XVI в. подчеркивали союз светского правителя и главы церкви и прославляли предка правящей династии. Учитывали и актуальную политическую ситуацию (например, противостояние с Казанским ханством²⁹). В древнем рассказе ПВЛ проскальзывала идея об особой миссии руси (понятой как этноконфессиональная общность), но в Никоновской эта идея была затушевана, а едва ли не главным итогом Крещения было выставлено создание церковной организации. В итоге сложился новый миф о принятии христианства на Руси. Его можно назвать *государственно-церковным* – фактически это был идеал «симфонии властей», опрокинутый в прошлое.

Насколько новаторским был этот миф для древнерусской традиции и как сильно он порывал с предшествующими историческими концепциями, хорошо видно, если сравнить Никоновскую летопись с Воскресенской, которые составлялись в Москве почти параллельно – в конце 1520–1530-х гг., но Воскресенская – в других кругах, придворных. Воскресенская летопись практически повторяет рассказ о Крещении, как он сложился в московских сводах конца XV в., лишь незначительно дополнявших (см. выше) ПВЛ. Фактически единственная новация, которую допускает Воскресенская летопись, это сообщение о Ростовской кафедре, основанной якобы еще при князе Владимире: здесь приводится список ее первых епископов и сообщается о строительстве и судьбе кафедрального собора³⁰. Как и у авторов Никоновской летописи, такое повышенное внимание к Ростову объясняется стремлением установить прямую связь между Крестителем Руси и церковными и политическими центрами Владимиро-Суздальской земли – территории, ставшей колыбелью Московского государства. Какого-то собственного нового прочтения Крещения у авторов Воскресенской летописи не было.

Принципиально новый нарратив о Владимире и Крещении выстраивает «Степенная книга царского родословия» – памятник официальной историографии эпохи Ивана Грозного (1560-е), вобравший в себя много материалов не только из летописания, но всей средневековой литературы Руси. Основная цель авторов Степенной

---

²⁹ Ср.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. С. 100–101.

³⁰ ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 313–314. Сведения взяты из местной ростовской традиции (в частности, житий Леонтия и Авраамия Ростовских).

книги – утверждение богоизбранности династии, правившей Русью непрерывно от Рюрика до Ивана IV. В ряду представителей этой династии главной фигурой является Владимир Святославич, благодаря которому христианство пришло на Русь. Вся 1-я «степень» – история Руси IX – начала XI в. – представляет собой, в сущности, распространенное житие Владимира. В первых же его строках Владимир изображен как «Божии избранныи съсудь, сугубо царскоимянитии самодръжець, владычьское и царско звание имея, сии преименитии самодръжавнии царь и великии князь»³¹.

Главным деянием Владимира, за что он, собственно, и удостоен такой характеристики, было Крещение. Естественно, об этом событии Степенная книга повествует особенно много и пространно. Здесь мы видим массу и литературно-учительных рассуждений, и фактических сообщений, как амплифицирующих рассказы тех источников, которые были у авторов, так и совершенно новых. Но в этой массе информации можно ясно проследить определенную логику, выделив несколько опор всей этой нарративно-идеологической конструкции. В общем, в ней получили свое развитие подходы, предложенные в Никоновской летописи, но с существенной перестановкой акцентов.

Прежде всего, бросается в глаза возвеличивание роли самого Владимира. В Степенной книге оно достигает апогея – здесь князю посвящено несколько похвальных речей, так или иначе, его прославляют чуть не при каждом упоминании его имени. Вот, например, еще одна цитата из начальной части 1-й «степени»: «Сии Владимир – добляя благочестиа ветвь! Сии Владимир – апостольский ревнитель! Сии Владимир – церковное утверждение! Сии Владимир – идольский разрушитель! Сии Владимир – благовериа проповедник! Сии Владимир – царская похвала! Вся того правоверная исправления дивна! Вся того благочестивая проповеданиа красна!»³² Из важных по смыслу и символике «величаний» отметим уподобление Владимира апостолу Павлу и императору Константину Великому³³. Вся история Крещения представлена как акт личной воли князя, следовавшего лишь «Божиа промысла действу».

Отмечая роль митрополита и духовенства в целом, Степенная книга следует логике и сведениям Никоновской летописи. В ней также говорится об учреждении митрополии патриархом Фотием;

---

³¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии. В 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 221.

³² Там же. С. 220–221.

³³ Там же. С. 229, 279, 317, 332, 337.

указаны те же митрополиты Михаил и Леонтий; в той же последовательности передан порядок основания епархий на Руси, изложены события крещения Новгородской и Суздальской земли и т. д.³⁴ Так же, как и в Никоновской летописи, особо подчеркнута активная деятельность Владимира по распространению христианства среди иноверческих народов, прежде всего «болгар». Но если в Никоновской мы встретим лишь намек на современные авторам обстоятельства борьбы с татарами, то в Степенной книге прямо говорится о покорении Казанского и Астраханского ханств Иваном IV как о продолжении политики кн. Владимира, направленной, как выясняется, уже не только на христианизацию, но «низложение» «лукавственного злохитрства» «безбожных болгар волжских и камских», т. е. на их политическое покорение³⁵. Так же, как в Никоновской летописи и вообще в предшествующем московском летописании, составители специально обращают наше внимание на деятельность Владимира и митрополитов Михаила и Леонтия во Владимиро-Суздальской земле: они сообщают и об основании Владимиром города, названного его именем, и о ростовской епархии, и пр.³⁶

Различие в трактовке Крещения в Степенной книге и Никоновской летописи состоит именно в том, что авторы Степенной книги, обращаясь к прошлому через «агиобиографическую» призму, возвеличивают Владимира как святого: они сконцентрированы на богоизбранности князя и династической линии, восходящей к нему. Основной дар Владимира потомкам, по мнению составителей Степенной книги, состоит не столько в том, что он принес христианство «в массы» (хотя сказано, что он – «просветитель наш», который «вся люди своя веровати научи»), сколько в его «бесчисленном семени благородном», т. е. в том, что он был предком многочисленных представителей этой династии, которые «в роды и роды царствоваху, държавою его облажающе, и донныне Богом храними все истинное благочестие непоколеблемо дръжаще и православную веру непорочно исправляюще»³⁷. Конечно, Церковь в Степенной книге представлена главной опорой правителя в духовном просвещении подданных, а идеал симфонии властей не чужд ее составителям³⁸.

³⁴ Ср. об ориентации Степенной книги на Никоновскую летопись в сообщениях об учреждении митрополии на Руси: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.;СПб., 2009. С. 566–567.

³⁵ Степенная книга царского родословия. Т. 1. С. 308.

³⁶ Там же. С. 298, 300, 307.

³⁷ Там же. С. 333.

³⁸ Ср.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность. С. 588–590.

Но все-таки в центре их внимания именно равноапостольный «Божий избранный сосуд» и его «многорасленный плод». Если в Никонской рассказ о Крещении завершается сообщением об утверждении Владимиром церковного устава Русской митрополии, то в Степенной книге – главой (72) «О праведном сродствии святого Владимира», в центре которой многозначное уподобление: «Яко же семья Авраамле и Исаково и Израилево никто же не может исчисти, тако и семья блаженнаго Владимира, нового Израиля»³⁹. «Новым Израилем» здесь объявлен не народ, а сам князь и его «сродствие», т. е. потомки. Такую перспективу можно условно обозначить как *ди-настический миф*.

Монументальная конструкция истории руси, возведенная авторами Степенной книги, осталась памятником эпохи XVI в. В XVII в. принятие христианства на Руси стали освещать с совсем иных позиций. Разрыв этот очевиден в украинской ученой мысли, которая предложила новый подход в полемике, разразившейся после Брестской Унии 1596 г. Центральным стал вопрос о церковно-религиозной принадлежности населения Речи Посполитой, которое называло себя русью. Ответ на него повлек за собой пересмотр и переосмысление этнической и политической самоидентификации руси в широком историко-культурном контексте. Обращение к прошлому и исторические аргументы обрели вследствие этого острую актуальность.

Первыми к истории Русской церкви обратились авторы-униаты: Лев Кревза в трактате *Оборона унии* (1617), а позднее – Мелетий Смотрицкий и др.⁴⁰ Их главной целью было доказать, что Русская митрополия изначально была основана благодаря миссионерам Папской курии и являлась диоцезом Римско-католической церкви,

³⁹ Степенная книга царского родословия. Т. 1. С. 334.

⁴⁰ Ср. изложение их идей: *Неменский О. Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин*. К., 2003. С. 409–34; *он же.* Трактовки Крещення Русі в полемічеській літературі Західної Русі першої половини XVII століття // *Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени* (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Материалы конференции (=Славяне и их соседи. XXIII). М., 2006. С. 57–61; *он же.* Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006* / гл. ред. Б. Н. Флоря. М., 2008. С. 61–74; *Синкевич Н. [А.]* «Повесть о поэтапном крещении Руси»: возникновение, эволюция и интерпретация сюжета в православных сочинениях первой половины XVII в. // *Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное* / под ред. М. В. Дмитриева. М., 2012. С. 208–225.

а в подчинении Константинополя оказалась позднее, притом неправомерно, поэтому Унию они объясняли как возврат «схизматиков» к законному древнему порядку. Свои аргументы они черпали не столько из древнерусских источников, сколько из польской религиозной и исторической литературы, следуя свойственным им установкам и приемам.

Взгляд на Крещение в XVII в. коренным образом отличался от того, какой сложился в предшествующей древнерусской литературе. Униатские авторы предлагали рассматривать Крещение лишь как один из этапов – даже не самый существенный – христианизации славянских народов, смещая акцент на их приобщение к христианству еще до кн. Владимира и пытаясь доказать, что христианство к ним, в т. ч. руси, шло не из Константинополя, а из Рима. Однако вне зависимости от тех или иных трактовок в данном случае важно прежде всего, что проблема Крещения была перенесена в совершенно иную плоскость: те, кто писал о ней, были сфокусированы на истории конфессий и церковных институтов. А разные народы представляли объектами их соперничества. Концепции Крещения, обусловленные взглядом «изнутри» той или иной политической системы (например, «династическая парадигма»), отходили на задний план. Принятие христианства на Руси оказывалось в этой перспективе (с учетом очевидного политического значения Унии) ключевым моментом не только истории христианской Церкви, но и судьбы «словенорусьского» народа.

Более последовательно эта линия была развита в «Палинодии» келаря православного Киево-Печерского монастыря Захарии Копыстенского (1621). Отвечая на доводы Льва Кревзы, Копыстенский в своем сочинении, замечательном во многих отношениях, предложил альтернативную концепцию истории Русской церкви, включая Крещение, но в понятиях и подходах, которые задали Уния и конфессиональная полемика, ориентированная на западную ученую мысль. Хотя сочинение Захарии Копыстенского осталось неопубликованным, оно было хорошо известно и влиятельно как в Украине, так и в России.

Специальные исследования Палинодии показали, что историческая оценка Крещения занимает в ней важное место в ряду доказательств самостоятельности и единства православной церкви⁴¹. Основной тезис Копыстенского состоит в том, что русь изначально

---

⁴¹ *Опарина Т. [А.]* Тема крещения Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и ее рецепции в России в первой половине XVII века // Київська Академія. Вип. 4. 2007. № 4. С. 30–58. См. также: *Неменский О. Б.* Трактатовки Крещения Руси; *Синкевич Н. [А.]* «Повесть о поэтапном крещении Руси».

приняла христианство от греков и состояла в подчинении Константинопольского патриархата легитимно во всех отношениях – согласно и божественному Промыслу, и каноническим установлениям, и нормам политическому, и праву «уживаня и держаня»; а все попытки переподчинить ее Римско-католической церкви противоправны и обречены на провал. Русская митрополия, приняв веру из Константинополя, сохранила преемственность ее первоначальным канонам, и не она инициировала схизму, а, напротив, папская курия отпала в ересь и раскол.

Если Льва Кривзу судьба руси интересовала только постольку, поскольку ему нужно было доказать, что русь приняла крещение из Рима, а позднее изменила ему, то Захария Копыстенский предлагает более широкую историко-эсхатологическую перспективу. «Яфето-росский» или «роксоланский народ» он изображает богоизбранным – проявившим себя «валечностью», обретшим славу еще «за часу войны Троянской»⁴², и приобщившимся к христианству в несколько этапов от самой древности, еще с проповеди апостольской. На первом из этих этапов – «уверений», по терминологии Захарии Копыстенского, – Русь посетил апостол Андрей, он предсказал расцвет христианства в этих землях. Копыстенский опирался на ПВЛ, которая сообщает о путешествии Андрея по «пути из варяг в греки» (в общем недатированном Введении ко всему своду)⁴³. Вторым «уверением» руси стало чудо с Евангелием, не сгоревшем в огне (см. попавший в древнерусские хронографы и летописи известный рассказ византийских хроник о миссии среди россов при патриархе Фотии⁴⁴). Третье «уверение» – крещение в Константинополе княгини Ольги или св. Елены, как ее именует Захария Копыстенский (см. рассказ ПВЛ⁴⁵). В конце X в. произошло «досконалое выконанье и зыщенье, гды соборне Святославов сын, а внук предменованой св. Елены Володымер веру з Константинополя принял». Таким образом, на четвертом этапе свершилось «подданье народу русского и всего духовенства в послушенство и в справоване под апостолской фронцкве Константинополской»⁴⁶.

Пересказывая летописный рассказ о Крещении, Копыстенский, с одной стороны, подчеркивает осознанный выбор Владимира «з так

---

⁴² Копыстенский З. Палинодия, или Книга обороны кафолической // Русская историческая библиотека. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1101–1106.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7–9.

⁴⁴ См.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60–63.

⁴⁶ Копыстенский З. Палинодия. Стб. 973, 977.

незлечоном народом» «в Бога правдивого уверити» (и сравнивает князя с императором Константином), а с другой – видит в этом решении Божий промысел, ибо в Конце мира (который Копыстенский ожидал, по-видимому, в 1666) спасение ожидает только народы Восточной церкви – Бог «помилует улюбленного ему Израиля»⁴⁷. Крещение руси здесь понимается как чудо, имеющее глубокий эсхатологический смысл. В таком же смысле Захария Копыстенский толкует современные ему события – посещение руси иерусалимским патриархом Феофаном (1619–1621.), который восстановил православную иерархию, рухнувшую после Унии, и спасение Речи Посполитой благодаря казакам в битве при Хотине (1621)⁴⁸. Эти рассуждения автор заключает в приподнятом «патриотическом» тоне: «Тое-то есть войско и той-то народ, который веру оною за Володимира от греков принятую держит и который в послушенстве и благословении патриархи вселенского архиепископа Константинопольского статечне трвает!»⁴⁹

Подвиги «яфето-росского народа» оказываются, таким образом, в прямой связи с его принадлежностью Восточно-христианской церкви. Обретение христианства русью в конце X в. становится главным узлом ее истории, в котором сошлись и «прообразования» Крещения, и древняя история руси, и ее современная судьба, predeterminedенная выбором Владимира. Отталкиваясь от истории Церкви, Копыстенский постоянно рассуждает о «народе» и фактически представляет историю, если так можно выразиться, этнически ориентированную⁵⁰. Эсхатологический подход в каком-то смысле возрождает пророческий дух древнерусской летописи, видевшей в Крещении обретение русью особой миссии. Сочетание интереса к истории народа и эсхатологического понимания этой истории позволяет условно назвать концепцию Крещения Копыстенского *религиозно-этническим мифом*.

Схема Крещения в несколько этапов («уверений»), предложенная в ходе полемики между униатами и православными Речи Посполитой, распространилась в литературе 1620–1640-х гг., она фигурирует у разных авторов в произведениях разного жанра⁵¹. Однако в

---

⁴⁷ Там же. Стб. 867–888, 978–982. Ср.: *Неменский О. Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского. С. 419.

⁴⁸ *Копыстенский З.* Палинодия. Стб. 1066–1068.

⁴⁹ Там же. Стб. 1110.

⁵⁰ Само слово «народ» имеет у Копыстенского, как это видно хотя бы из приведенных цитат, этнический смысл (хотя и не сводится к нему одному). См. разные значения этого слова: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 10. М., 1983. С. 214–215.

⁵¹ См.: *Синкевич Н. [А.]* «Повесть о поэтапном крещении Руси».

Украине и России оказались востребованы разные аспекты тех концепций, в которые была вплетена эта схема. Если в Украине церковно-полюемический элемент уходит на задний план, то в России, наоборот, оказывается на переднем.

Показательна в этом плане Густынская летопись, памятник украинской историографии конца 1620 – начала 1630-х гг.⁵² Ее автор опирался на древнерусскую летописную традицию, начиная с ПВЛ (и композиционно, и в значительной мере концептуально), но привлекал также польские и итальянские исторические произведения. В рассказе о Крещении он придерживался в основном ПВЛ, добавляя лишь отдельные сведения из летописания XVI в. и уточняя детали (даты, имена и названия) по иным источникам⁵³. Существенные по смыслу дополнения к рассказу ПВЛ, взятые из позднего русского летописания, заключались в сообщениях 1) об учреждении митрополии и имени первого митрополита (Михаил), 2) о крещении Владимиром Ростово-Суздальской земли (с основанием города Владимира и епископии в Ростове) и 3) о разводе Владимира с Рогнедой и принятии ею иночества⁵⁴. Специальное отступление здесь посвящено «идолам русским», которым поклонялась русь до Крещения. Перечисляя «идолов», автор следует Стрыйковскому, и в этом отступлении надо видеть отражение интереса к язычеству со стороны интеллектуалов эпохи конфессионализации, выдвинувшей на передний план «борьбу с народными суевериями».

Но прежде всего в самом начале рассказа обращает на себя внимание рассуждение о пяти «крещениях росьских», развивающее схему Захарии Копыстенского. Впрочем, автор летописи не ссылается ни на него, ни на кого-либо еще из современников-соотечественников, а использует как древнерусские, так и латинские и польские источники. К этапам, указанным Копыстенским (начиная с проповеди апостола Андрея и заканчивая принятием христианства при Владимире), он добавляет указание на крещение болгар и миссионерскую деятельность Кирилла и Мефодия. Но главное отличие от схемы Палинодии здесь состоит в том, что рассуждение Густынской летописи о Крещении лишено всякого полемического содержания и носит характер ученого введения об «исторических предпосылках» Крещения. Вместе с тем именно оно задает нам угол зрения

---

⁵² См. о памятнике, в частности, о датировке в предисловии к новой публикации: *The Hustynja Chronicle / compiled with an introduction by O. Tolochko*. Cambridge (MA), 2014. P. XLVII–XLVIII.

⁵³ ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С 39–46.

⁵⁴ Это последнее известие – из Тверского сборника (см.: ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 112–113), которым пользовался автор Густынской летописи. Он знал также Никоновскую и Воскресенскую летописи.

на принятие христианства на Руси как на «спасение нашему словенскому народу, в неже доселе во тме неведения блудящая Россия светом истинны просвещенна бысть и ко познанию бога прииде»⁵⁵. В дальнейшем рассказе Густынской летописи о Крещении каких-то ясно выраженных оценок нет, он выстроен фактографически, притом включает некоторые элементы «позитивной» критики источников. Автору, на первых же страницах своего сочинения признавшему «Нестора» (т. е. ПВЛ) наиболее авторитетным источником, было важно донести до читателя событийную канву Крещения именно в трактовке ПВЛ, дополнив ее лишь в деталях – существенных (например, учреждение митрополии) и ярких (иночество Рогнеды, список поверженных Владимиром языческих кумиров). Речь Философа, поучения и похвальные слова ПВЛ в Густынской летописи опущены. Концептуально насыщенными остаются лишь процитированные из ПВЛ вводные слова о «крещениях росьских»: в них подчеркнуто великое значение принятия христианства для просвещения всего «словенского народа». Повторяя сведения из древнерусских летописей и зная, вероятно, концепцию Захарии Копыстенского, автор Густынской летописи вместе с тем остается совершенно чужд их провиденциалистскому духу. В летописи нет ни восхваления Владимира (который лишь однажды назван «Великим», но не святым и равноапостольным), ни идеи «симфонии властей», ни церковной полемики. Этот нарратив нацелен не на новые трактовки Крещения, а скорее на сводку «объективных» данных, однако уже, скорее, с точки зрения истории народа (как этнокультурной и этнорелигиозной общности), а не истории династии или Церкви. Можно спорить, есть ли нечто «национальное» в этой точке зрения⁵⁶, но сам перенос акцента на коллектив или общность, понимаемую не только религиозно или политически, но и этнически, здесь, как и у Захарии Копыстенского, явно просматривается.

Теория Захарии Копыстенского о нескольких «уверениях-крещениях руси» была воспринята и в Москве, но там она была включена в иную концепцию истории Русской церкви. Московских книжников занимал прежде всего вопрос о статусе незадолго до того образованного в Москве патриархата, и исторические построения Копыстенского были использованы для доказательства легитимности

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 39.

⁵⁶ Так, Ф. Сысин считает, что в данном случае можно говорить о нации, см.: *Sysyn F. E. Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620–1690 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. X, Nr. 3/4 (1986). P. 393–423. Sp. особливо P. 423.* А. П. Толочко возражает ему, полагая, что автор Густынской летописи «мыслит в до-национальных категориях», см.: *The Hustynja Chronicle. P. LIX.*

этого новообразования и обоснования его претензий на главенство во всем «словеноросском» православном мире.

В сохранившихся списках Палинодии есть фрагмент, где речь идет об учреждении патриархии в Москве: патриарх Филарет назван здесь главой всей православной руси: «милостию Божиею святейший патриарх Великой и Малой России и до последних Великого Окиану»⁵⁷. В литературе уже обращали внимание на то, что это именование – фактически титул – противоречит всей концепции Захарии Копыстенского, который пытался представить православную русь как часть восточно-христианской Церкви во главе с Константинополем (в т. ч. в юридическом смысле). Вполне вероятно, что этот фрагмент был авторской или редакторской вставкой *ex post*⁵⁸.

Однако показательно и важно, что именно этот фрагмент обрел центральное значение в тех извлечениях из Палинодии касательно истории Русской церкви, которые мы обнаружим в московских изданиях, – в Катехизисе Лаврентия Зизании (1627)⁵⁹, Книге о веры (1648)⁶⁰ и первой печатной Кормчей книге, изданной по инициативе патриарха Никона в 1653 г. Московский рассказ о Крещении почти дословно повторяет вариант Захарии Копыстенского с тремя «уверениями» и итоговым «досконалым крещением», но он служит лишь предысторией образования независимой церкви в «велицеи Русиистеи земли». Особенно отчетливо это видно из предисловия к Кормчей, куда помещено «Сказание об учреждении патриаршества», связывающее обретение «в Русииском государстве в царствующем граде Москве» автокефалии и затем патриархата с тем, что «благочестие в Русииском царствии сияше, яко солнце среди круга небеснаго»⁶¹. В этом тексте эсхатологический накал и обращение к

⁵⁷ Копыстенский З. Палинодия. Стб. 1158.

⁵⁸ См.: Неменский О. Б. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского. С. 47–48; Опарина Т. А. Тема крещения Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского. С. 49–50.

⁵⁹ Недавно Н. А. Синкевич выдвинула гипотезу, согласно которой Лаврентий Зизания, выстраивая схему нескольких «уверений-крещений» руси, опирался не на Палинодию (как считалось до сих пор), а на Оборону Льва Кревзы, см.: Синкевич Н. [А.] «Повесть о поэтапном крещении Руси». На мой взгляд, эта гипотеза нуждается в дополнительном обосновании.

⁶⁰ Авторство ее, согласно недавним разысканиям, надо приписывать Гедону, монаху смоленского Бизюкова монастыря, см.: Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII в. // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82–131.

⁶¹ Сказание об учреждении патриаршества / текст подг. Л. В. Мошкова // Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 419–421.

истории народа, свойственные Палинодии, потеряны совершенно, и остается лишь церковная, может быть, точнее – церковно-историческая или церковно-полемическая перспектива.

Историческим сочинениям, которые были созданы в Московском государстве в середине – второй половине XVII в., теория нескольких «крещений русских» осталась неизвестной. В летописных сводах сюжет о Крещении не вызывал особого интереса, и в соответствующей части пересказывали, как правило, Никоновскую летопись. При этом могли заимствовать что-то еще, например из Степенной книги – деление истории по «степеням», но «династическую парадигму» не разрабатывали, так или иначе затушевывали, сглаживали ее. «Государственно-церковный миф», созданный авторами Никоновской летописи, оказался более актуальным и уместным в политических и религиозных обстоятельствах правления первых Романовых после Смуты. Например, авторы Патриаршего свода начала 1650-х гг., хотя и были знакомы со Степенной книгой и даже использовали деление на «степени» для организации исторического нарратива (впрочем, непоследовательно), в рассказе о Крещении фактически следовали Никоновской летописи⁶². В своде 1670-х гг. следование Никоновской еще более выраженное – например, в нем даже приводится «Сказание о хульней вере срацинской», опущенное в своде 1650-х гг.⁶³

Вряд ли модель нескольких «крещений руси» получила бы такую известность и дожила в историографии до начала XXI в.⁶⁴, если бы ее не использовал автор (или авторы) Синописа, который, выйдя в Киеве первым изданием в 1674 г., позднее пользовался огромной популярностью, его многократно переиздавали⁶⁵.

Появление в Синописе сообщения о четырех «крещениях россов» до принятия христианства при Владимире примечательно. Оно

⁶² РГБ. Ф. 37 (Собрание Большакова). № 423. Л. 16об–21. См.: <http://old.stsl.ru/manuscripts/f-37/423>.

⁶³ РГБ. Ф. 556 (Собрание Вифанской духовной семинарии). № 34. 1. См. оглавление на Л. 2об: <http://old.stsl.ru/manuscripts/556/34-1>.

⁶⁴ Ср., напр.: *Макарий (Веретенников) архим., Чичуров И.* Христианство на территории исторической России до ее Крещения. I. Предание об апостоле Андрее Первозванном // *Православная энциклопедия*. Т.: «Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 32–35; *Назаренко А. В.* Русская церковь в X – 1-й трети XV в. // *Православная энциклопедия*. Т.: «Русская Православная Церковь». С. 38–40.

⁶⁵ Любопытно, что эту модель никак не упоминает Феодосий Сафонович, Хроника (1672) которого непосредственно предшествовала Синопису. См.: *Федосій Софонович*. Хроніка з літописців стародавніх / підготовка тексту до друку, передмова, комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. К., 1992.

позволяет понять общую перспективу, из которой его автор оценивал принятие христианства на Руси. На первый взгляд, это сообщение совершенно лишено какой бы то ни было идеологической нагрузки: здесь нет каких-то особых оценок, комментариев и т. п. Даже композиционно оно не выделено: глава, содержащая его, помещена не в начале рассказа о Крещении (как, например, в Густынской летописи), а во второй его половине – после кульминационного сообщения о крещении киевлян и сыновей Владимира. В то же время именно в этом месте авторский угол зрения меняется. Если начало рассказа выдержано в логике и сюжетном развитии по ПВЛ – вслед за ней Синописис рассказывает о решениях и действиях Владимира (послы от Владимира, принятие крещения в Херсонесе, женитьба на Анне и т. д.), – то во второй его половине автор начинает постоянно и настойчиво говорить о «всем народе российском». Он рассматривает Крещение уже не столько как личный выбор князя (или даже элиты), сколько как событие, определившее историческую судьбу всей руси как этнокультурной и этноконфессиональной общности. Очевидно, сама схема нескольких «крещений руси» побуждала обращать внимание не на отдельные лица, а на то, как христианство постепенно проникало в массы, пока не охватило весь «народ» целиком. Автор Синописиса не проигнорировал, а подхватил эту перспективу, заложенную в схеме самими ее создателями.

Синописис торжественно и велеречиво прославляет «равноапостольного» князя Владимира как «отца и наставника и ходатая спасения нашего»⁶⁶. Однако в итоге читателю так или иначе дают понять, что речь не об одном человеке или династии: фактически проводится мысль о христианизации как переломном моменте в складывании и истории именно «всего православного народа российского», т. е. обретении им, как бы сегодня сказали, своей идентичности. Об этом, в сущности, говорит и заключительная фраза, в которой подчеркнуто единство в вере разных ветвей восточного славянства и греков: «И тако отъ того времени вся российскии – белыи и чермнии, восточнии, полунощнии и на полудне лежащии – народы веру святыю православную отъ грековъ прияша, и крещением святым просветившеся и укрепившеся совершенно въ христианстве, по обычаю и уставомъ греческимъ, подъ властью духовною святейшаго Константинопольскаго патриарха вселенскаго крепко и неподвижно пребываютъ»⁶⁷.

---

⁶⁶ ΣΥΝΟΠΣΙΣ, или Краткое Собрание от Разных Летописцев о Начале Славяно-Российскаго Народа, о первоначальных кн[я]зей Б[о]госпасаемаго Града Киева... К., 1782 (1674). С. 00.

⁶⁷ Там же. С. 00.

Любопытно, что авторство этой фразы принадлежит совсем не составителям Синописиса, а работавшему почти за столетие до них польскому историку Мацею Стрыйковскому. Автор «Хроники польской, литовской, жемайтской и всей Руси», как известно, значительное место уделил древней русской истории, в частности, довольно подробно, опираясь на ПВЛ, рассказал о Крещении. Вот как заканчивает этот рассказ Стрыйковский: «И с того времени (т. е. с 989 г. – П. С.) все русские – Белой и Черной, восточной, северной и лежащей на юге Руси, – народы в христианской вере, согласно греческим обрядам и церемониям, под верховенством патриарха константинопольского, постоянно и окончательно пребывают»⁶⁸.

Эта формулировка Стрыйковского полюбилась в украинской историографии, хорошо знакомой с его Хроникой, задолго до Синописиса. Ею заключает свою справку о принятии христианства на Руси Сильвестр Косов. Возможно, она подошла ему, поскольку хорошо вписывалась в полемический контекст его произведения за счет указания на верховную церковную юрисдикцию Константинополя над «всею русью»⁶⁹. Ее использовал и Феодосий Софонович⁷⁰. Может быть, ему, как и составителям Синописиса, был важнее акцент на религиозной общности всех восточных славян. Но, как бы то ни было, эта фраза фактически побуждала рассматривать Крещение как начало единства всех «русских народов», как писал Стрыйковский, или «славенороссийского народа» (уже в единственном числе), как писали украинские авторы XVII в. Взгляд на Крещение сквозь призму истории народа (а не династии или даже Церкви) актуализировал это событие в условиях сближения руси московской и руси, находившейся в подданстве Речи Посполитой, во второй половине XVII в.

Несомненно, именно благодаря такому своему содержанию фраза перекочевала и в великорусскую (московскую) историографию, где утверждение о «власти духовной» Константинопольского патриарха не могло вызвать особого интереса или энтузиазма. В московских сводах 1680–1690-х гг. мы встречаем ссылки на Си-

⁶⁸ *Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi. T. 1. Warszawa, 1846. S. 133: "A tak od tego czasu wszystkie Ruskie, Białej i Czarnej, wschodniej, północnej i na południe leżącej Rusi, narody w wierze chrześcijańskiej, według obrzędów i ceremonij greckich, pod zwierzchnością patriarchy constantinopolskiego stale i statecznie trwają".*

⁶⁹ *Коссов С. Paterikon, abo żywoty świętych oyców pieczarskich 1635 // Акты Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. К., 1914. С. 460.*

⁷⁰ *Федосій Софонович. Хроніка. С. 68–69.*

нописис и прямые заимствования оттуда. В частности, они цитируют и это итоговое заключение рассказа Синописиса о Крещении⁷¹.

Такое замысловатое кочевание одной фразы из труда польского историка-хрониста конца XVI в. в украинской и московской историографиях вплоть до провинциальных русских летописей конца XVII в. говорит, конечно, не столько об авторитете Стрыйковского в них⁷², сколько о том, что был востребован вложенный в нее смысл единства «словеноросского народа» – прежде всего, единства в вере, обретенной при Владимире. Фраза на современный взгляд, казалось бы, банальная и слишком общего характера, для московских книжников звучала, очевидно, по-новому. Ведь, как мы видели, до конца XVII в. в московской книжности повторяли схемы историографии XVI в., выставлявшие основными фигурами и движущими силами истории не народ (как к этому привыкли сегодня мы), а династию и церковь.

В итоге, как представляется, на примере меняющихся интерпретаций Крещения можно проследить смену «мифов» или «парадигм», определявших историческое сознание Украины и России в XVI–XVII вв. Предложенный в начале XVI в. авторами Никоновской летописи «государственно-церковный миф» оказался наиболее живуч в московском летописании. Возможно, дело было в том, что вплоть до петровской синодальной реформы идея «симфонии властей» сохраняла политическую актуальность. Но, кроме того, сам факт обретения истинной веры лучше объяснялся именно этим мифом, чем «династическим», который манифестировала Степенная книга. Историческая концепция Степенной, зацикленная на династии (вплоть до того, что «новым Израилем» были объявлены только потомки Владимира!), едва ли могла служить инструментом формирования коллективной идентичности, т. е. некоей самоидентификации широких кругов населения.

С 1620-х гг. в церковных кругах Украины, позднее – и в Московском государстве – распространяется новая историческая схема нескольких «уверений-крещений русских», обновлявшая древнерусские нарративы и фактически, и идейно. Она диверсифицировала акцент с одной-единственной личности (князя Владимира) на разные, в т. ч., например, на апостола Андрея, ведь первое «увере-

---

⁷¹ См., напр., в Мазуринском летописце под 6497 г.: ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 47.

⁷² В частности, «Хронику» М. Стрыйковского переводили при царском дворе в 1668–1680-е гг., см.: Шустова Ю. Э. Упсальский список русского перевода Хроники Мачея Стрыйковского // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 181–204.

ние» связано с его именем. Захария Копыстенский, опираясь на эту схему, связал приобщение «яфето-росского народа» к христианству с его спасением в эсхатологическом духе. Обращаясь к его истории, Копыстенский указывал на его особую судьбу и особые черты («валечность» и пр.), выделявшие его с древности до современных писателю событий по сравнению с другими народами. Его сочинение представляет собой любопытное смешение средневекового провиденциализма и понятий польской историографии XVI в. (как, например, определение характера народа). Такая интерпретация Крещения в дальнейшем, хотя и была востребована, свободна от эсхатологического содержания. В Москве интересуются только ее полемическим аспектом – доказательствами, что папская курия не имела отношения к учреждению Русской митрополии.

Густынская летопись и Синописис используют схему нескольких «уверений-крещений», но их нарративы ориентированы на изложение событий и слабо зависят от «парадигм» и/или «мифов», предложенных в предшествующем русском летописании и Степенной книге. В то же время отчасти, видимо, под влиянием теории «нескольких уверений-крещений русских», отчасти в силу тех понятий, какие были усвоены в них из польской хронографии, они выставляют Крещение как решающее событие в самоопределении «словенороссийского народа», под которым понимали этнокультурную и этноконфессиональную общность восточных славян. Причем от Густынской летописи к Синописису заметно усиление такой оценки: если в рассказе первой о Крещении только один раз упомянут «словенороссийский народ», то второй говорит о нем многократно.

В общественной мысли Московского государства XVII в. тему принятия христианства долгое время не инструментализировали в целях конструирования каких бы то ни было коллективных идентичностей. Вместе с тем, когда интерпретация в таком духе была предложена извне, из Украины, она нашла отзвук и была воспринята. Значит, по крайней мере, к концу XVII в. назрела потребность в представлении этой темы как некоей основополагающей «точки памяти» для «словенороссийского народа». На мой взгляд, этот поворот в осмыслении Крещения с точки зрения «народа» можно считать проявлением складывающегося национального (*sit venia verbo*) или «протонационального» дискурса.

ОБ АВТОРАХ

Бовгиря Андрей Маркович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской истории (Киев) НАН Украины. История Украины XVII–XVIII в.; история исторической мысли; социальная история. andrzej@ukr.net

Воронин Василий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории (Минск) НАН Беларуси, зав. отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени. История Полоцкой земли в составе Великого княжества Литовского (сер. XIII–XVI вв.); интеллектуальная история ВКЛ; издательская археография.

Гиль Анджей, доктор исторических наук, Dr. habil., профессор Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II. История Центрально-Восточной Европы, история православной и униатской Церкви. andrzej.gil.2015@gmail.com

Граля Хероним Чеславович, Dr. habil., профессор факультета “Artes liberales” Варшавского университета. История Древней Руси; история Московского государства в XVI–XVII вв.; история русско-польских отношений в Средневековье и раннее Новое время; история дипломатии; история польской диаспоры в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде, см.: <https://uw.academia.edu/HieronimGrala.grala@al.uw.edu.pl>

Гудмантас Кястутис, научный сотрудник Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс). Историописание Великого княжества Литовского. k.gudmantas@gmail.com

Дзярнович Олег Иванович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории (Минск) НАН Беларуси. История Великого княжества Литовского XIII–XVII вв.; история Ливонии; этнокультурная история Восточной Европы IX–XVII вв.; Метрика ВКЛ. aleh.dziarnovich@gmail.com

Дмитриев Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва). Православная культура Восточной Европы в XIV–XVII вв.; этнические и национальные представления в истории Европы; история Реформации и католической Реформы.
dmitrievm300@gmail.com

Доронин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве. Заальпийская ренессансная культура; начала европейской историографии; становление раннемодерных национальных мифологий в Европе; зарождение новых надрегиональных идентичностей на востоке Европы (конец XV – середина XVIII вв.) в контексте современного нациогенеза.
andrej.doronin@dhi-moskau.org

Мартынюк Алексей Викторович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск), в настоящее время докторант Белорусского государственного университета (Минск). История Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время; германо-балто-славянские контакты; историческая география; визуальные источники.
a.martyniuk@mail.ru

Одесский Михаил Павлович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературной критики Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Культура Древней Руси XV–XVI вв.; театр и культура России второй половины XVII – первой половины XVIII в.; литература и правительственная ментальность XX в.; история «славянской идеи» в XVIII–XX вв.
modessky@mail.ru

Саганович Генадь Николаевич, доктор исторических наук, профессор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе. Общественно-политическая жизнь ВКЛ XVI–XVII вв.; историческая мысль в советской Беларуси; историческая политика в Восточной Европе.
sahanovich@gmail.com

Синкевич Наталия Александровна, кандидат исторических наук, ассоциированный участник проекта «Религиозное знание в раннемодерной Европе (800–1800)» (<http://www.uni-tuebingen.de/forschung/forschungsschwerpunkte/graduiertenkollegs/gk-religioeses-wissen.html>). Межконфессиональные отношения в Восточной Европе раннего Нового времени; интеллектуальные процессы и духовные течения в украинских землях XVI–XVII вв.
nsinkevych7@gmail.com

Сиренов Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. История России позднего Средневековья и раннего Нового времени; древнерусское летописание; древнерусская агиография; памятники изобразительного искусства Руси XV–XVIII вв. sirenov@rambler.ru

Стефанович Петр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва) / Институт российской истории (Москва) РАН. История средневековой Руси; история России XVI–XVII вв.; история Русской православной церкви. petr_stefanovich@hotmail.com

Ткачук Виталий Анатольевич, аспирант Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. История Церкви в Украине XVII–XVIII вв. vitaliy_tkachuk_@ukr.net

Ульяновский Василий Иринархович, доктор исторических наук, профессор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. История Церкви; история восточноевропейского Средневековья и Нового времени; история исторической мысли.

Шпирт Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Центра украинистики и белорусистики Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; доцент Еврейского университета в Москве. История Польши и Украины XV–XVIII вв. futesas@gmail.com

Штайндорфф Людвиг, Dr. habil., Prof. Em., Университет им. Христиана Альбрехта в Киле. Культурная история Древней Руси; городская история юго-восточной Европы в Средневековье; религия и нация в юго-восточной Европе XIX–XX вв.; социалистическое государство и религиозные институты. lsteindorff@oeg.uni-kiel.de

Ульяновский Василий Иринархович, доктор исторических наук, профессор Киевского национального университета имени Шевченко. История Церкви; история восточноевропейского Средневековья и Нового времени; история исторической мысли.

Штайндорфф Людвиг, Dr. habil., профессор восточноевропейской истории Университета им. Христиана Альбрехта в Киле. Культурная история Древней Руси; городская история юго-восточной Европы в Средневековье; религия и нация в юго-восточной Европе XIX–XX вв.; социалистическое государство и религиозные институты. lsteindorff@oeg.uni-kiel.de